

ПРОЛОГ

Пронзительный звон колокольчиков достиг деревенских ворот, словно волны смерти, накатывающие на берега живых*.

Матери похватали детей, утаскивая их от окон в постели и запирая ставни. Изможденные работой крестьяне спешили по домам, будто кролики, юркнувшие в безопасные норки. Даже ночные дозорные побросали свои посты, и лишь трепещущий факел встречал зловещих гостей.

Из теней на главной дороге вышла высокая фигура с посохом из персикового дерева, на котором покачивались железные колокольчики. Мужчина был облачен в хлопковые одежды жреца с перекрещенным воротником, и синезеленая ткань в лунном свете казалась призрачно-бледной. На его макушке красовалась квадратная черная шапочка.

К нему жалась девочка не старше десяти лет, ее пухлое личико было необычайно мужественным для такого маленького ребенка.

За ними следовало то, что больше всего напугало селян: шеренга окоченевших трупов с вытянутыми вперед для равновесия руками. Пепельная кожа просматривалась под покрытой пылью одеждой, вокруг витал тошнотворно-сладкий запах гниения. Талисманы фу, приклеенные

* Роман вдохновлен китайским фольклором и мифологией, однако встречающиеся в нем образы и представления были адаптированы автором и могут не совпадать с информацией из академических источников. *Прим. ред.*

к головам, подобно длинным желтым вуалям из бумаги, заставляли их медленно и молча тащиться за жрецом.

Когда группа приблизилась к притихшей деревне, жрец повернулся к девочке и спросил:

— Знаешь, почему мы всегда должны звонить в колокольчики, Сиин?

— Чтобы вести усопших домой? — отозвалась та. Отец впервые позволил дочери отправиться с ним в путешествие, и ей хотелось его впечатлить.

— Правильно. — Жрец указал на пустые деревенские улицы, и четки мала, обмотанные вокруг его запястья, блеснули в свете факела. — Но есть еще одна причина: мы должны громко звонить в колокольчики, чтобы предупредить живых. Ведь это невероятное несчастье для смертных — смотреть на ходячих мертвецов.

— Но как же мы, ба*? — спросила Сиин. — Разве мы сами не живые?

Отец улыбнулся:

— Мы, слуги богов, ходим по тонкой грани между жизнью и смертью. Если быть мудрее и защищаться, мертвые не смогут навлечь на тебя несчастье — как и навредить физически.

Сиин посмотрела на их немертвую паству. Серые лица четко выделялись на фоне очертаний темного леса позади.

— А зачем мертвым мне вредить? — Она снова уставилась на отца. Тот зарабатывал себе на жизнь, служа мертвым, но, похоже, это сделало его лишь добрее. В карих глазах отразилось терпение и даже веселье, когда девочка продолжала: — Мы пастыри, что ведут их домой и дарят возможность получить достойное погребение. Зачем нам вредить?

Они прошли деревенские ворота, и дорога сузилась, уступая место жилым домам и заведениям, построенным здесь за годы. Ни звука, ни вздоха не было слышно за закрытыми

* Папа. Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

окнами и дверями. Но все же Сиин представляла, как селяне тихо молятся у алтарей, рассыпая клейкий рис, чтобы отвести беду.

Отец провел их мимо постоянного двора без остановок. Они никогда не задерживались там, где обитали люди.

— Не все так благодарны, — сказал он. Колокольчики позвякивали в такт движению посоха. — Среди мертвых неминуемо попадают те, кто затаил в себе злобу. А когда зло достаточно сильно, оно может даже обратить мертвых против жреца или жрицы, желающих им добра.

Сиин поежилась, снова обернувшись на трупы. Талисманы поднимали их безжизненные тела и препятствовали разложению, но лица мертвецов были пустыми и бездушными, а губы не двигались. Они более не могли думать и чувствовать, как когда-то, и угрозы от них исходило, как от соломенных кукол младшей сестры девочки.

— Ты когда-нибудь встречался с таким трупом? — спросила Сиин.

— Однажды. — Заметив выражение ее глаз, отец снова улыбнулся и положил руку девочке на макушку, будто оберегая. — Не тревожься, дочка. Пока рядом твой сильный и красивый отец, ты всегда будешь в безопасности.

Смех Сиин развеял минутный страх. Пусть и хорошо знакомая со смертью, она была лишь ребенком и не совсем избавилась от кошмаров. Девочка вцепилась в руку отца, радостно улыбаясь, несмотря на унылую работу.

— Обещаешь, ба? Обещай, что останешься рядом со мной на сто лет — нет, на тысячу!

Он сжал ее крохотные пальчики и усмехнулся:

— Обещаю. И твоя мать, и твоя младшая сестра — мы всегда будем с тобой.

Сиин упивалась его словами, не ведая, что это было лишь обещание мягкосердечного отца — и нарушить его столь же просто, сколь и дать.

ГЛАВА 1

Как всегда, я почуяла смерть раньше, чем увидела. Запах был одновременно глубоким, нутряным, тошнотворно-сладким и тлетворно-гнилым. Большинство людей сбежали бы подальше от этой вони, а не отправились к ней навстречу.

Но я была жрицей ганьши, пастырем мертвых, и мне предложили сорок тысяч серебром за возвращение трупа с вражеской территории.

Я приблизилась к покинутому месту битвы — огромному развороченному полю. Пожелтевшая трава была вытоптана тяжелыми сапогами и лошадиными копытами, человеческие выделения смешивались с грязью от недавнего дождя.

Все всегда считают, что если смерть была кровавой, то сильнее всего в воздухе должен ощущаться именно металлический привкус крови. Но именно вонь экскрементов, исторгнутых после ослабления мышц, заставила меня обвязать шарф вокруг носа и рта.

Как бы ни была я привычна к смерти, мне не удалось не содрогнуться, осматривая поле. Более сотни мертвых сыаньских солдат усеивали проклятую землю. Стрелы и копья торчали из земли, как сломанные кости. Даже деревья, обрамлявшие один край поля, выглядели сиротливо, их ветви склонились в знак уважения к погибшим. Сейчас было раннее утро, но густо-оранжевое солнце будто садилось, а не вставало.

Я обвела взглядом шеренгу трупов и поняла, что работка выдалась еще та.

Но ее надо было выполнить.

Когда я приблизилась к ближайшему телу, цоканье копыт позади заставило меня оглянуться. Ко мне подъехал вэньский солдат в полном доспехе и с лицом, закрытым железной маской. Я смотрела, как он обводит меня взглядом, отмечая сине-зеленый пао* и персиковый посох.

Он склонил голову в знак уважения, но не спешился.

— Вы пришли собрать свое, госпожа?

На мгновение я удивилась несомненно женскому голосу. Несколько раз мои пути пересекались с вэньскими военными, но я никогда не замечала среди них женщин. Дома, в Сыань, все военные были мужчинами.

Скрывая удивление, я вытащила талисман фу и сказала:

— Как видите.

Жрецы и жрицы ганьши обладали неприкосновенностью, когда дело касалось пересечения границ. С другой стороны, для контрабандистки могли сделать исключение.

Разумеется, воительница не могла подозревать в этом *меня*, сказала я себе.

— С какой стороны? — угрюмо спросила она.

— Вы уполномочены арестовать жрицу ганьши на основании того, кому предан ее клиент?

Воительница поджала губы, но спорить не стала, только развернула лошадь обратно к городу. Прежде чем дать шенкелей, она произнесла:

— Ближе к закату прибудет отряд, чтобы похоронить мертвых. Лучше бы вам к тому времени уйти.

— Будьте спокойны, я уйду.

* Традиционное китайское длинное одеяние, представляющее собой цельнокроеный халат или платье.

Втайне я надеялась, что не соврала. Обычно меня нанимала скорбящая семья, чей ребенок или иной родственник умер в дальнем городе. Там всегда было очевидно, кто мертв и где труп. Прежде мне никогда не приходилось *искать* тело. Я никогда не бывала на поле боя. Побуждаемая предупреждением воительницы, я быстро принялась за работу, обыскивая трупы в поисках бумаг и сравнивая измазанные грязью пепельно-бледные лица с портретом, который предоставил мне наниматель — чиновник И. Мертвые солдаты сохранились весьма неплохо, несмотря на то что лежали тут неделю. Быть может, дело в холодной погоде.

Я заметила, что тела, уложенные ровными рядами, уже лишены всего, что могло стоить денег: металлического оружия и брони, личных жетонов и монет. Сломанное древковое оружие и стрелы, валявшиеся вокруг, тоже оказались без стальных наконечников.

Победители были поразительно практичны. Я не знала, как именно случилась битва, но это напоминало засаду. Судя по всему, армия Вэнь преуспела во всех смыслах. Война была прибыльным делом. А учитывая, как царство Сыань годами выжимало ресурсы с территории Вэнь, было логично, что вэньцы отчаянно нуждались в любой прибыли.

Я брела через безжизненное море солдат, многих из которых призвали на службу как фигуры на доске сянци царя Сыань. Мне пришлось напомнить себе, что надо держать сочувствие в узде. В жизни жрицы объективность — ключевой фактор.

Хотя ее и непросто держаться, когда меня захлестывают волны эмоций.

Как жрица ганьши, я была духовно настроена на чувства почивших — особенно следы страха, изумления, сожаления или скорби, сопутствовавшие их последнему вздоху. Иногда, если я была неосторожна, сквозь стены моего покоя могли пробиться и более яркие эмоции и ударить по мне

воспоминаниями о последних секундах умерших, об их самых счастливых моментах или самых сильных горестях.

Прогулка посреди павшей армии испытывала на прочность все, чему я научилась, но я умудрялась выдерживать скорбь, повисшую над полем. Мне надо было выполнить работу.

Следующие часы я потратила, таскаясь по взрыхленной земле. На обед не прерывалась: разложение и страдание вокруг лишило меня аппетита. Солнце наполовину завершило свой путь по небу, когда я нашла удостоверение, которое искала. Имя совпадало с нужным на документах чиновника: Жэньшу.

Я могла бы задуматься: ни в документах, ни в бумагах умершего не было написано фамилии — на случай, если бы лицо солдата не совпадало с портретом. Он был молод, примерно моего возраста. И красив. Кровь запеклась у него на виске — из раны, которая, судя по всему, и оказалась смертельной. Рубящий удар развалил ему челюсть, и кожа была вся в грязи, но прямой нос, густые брови и родинка у глаза, без сомнения, совпадали с портретом.

Я прижала пальцы к его шее, ощущая ужас, окрасивший его смерть, и заставляя себя отогнать его прочь. Ни следа биения сердца. Я начала готовить воскрешающий талисман. Привычными движениями прикрепила железные колокольчики к посоху и мягко позвенела ими, произнося заклинания. Размещая освященную бумагу на лбу солдата, я задумалась, как человек, стоящий таких денег — в конце концов, из-за этого я и взялась за работу, — мог погибнуть столь трагически и таким молодым. *Какая ужасная утрата.*

Воскрешающему заклятию нужно было время, чтобы полностью подчинить себе труп. В ожидании я медленно прошла вдоль ряда солдат, закрывая глаза тем, кто умер, глядя на огромный безжалостный мир. Их похоронят

без церемоний, их духи приговорены к скитанию на чужой земле, но они все еще заслуживают уважения.

На мгновение я задумалась, не смогу ли забрать их всех с собой в Сыань. Но я привлекла бы слишком много внимания и понятия не имела, где их дома. И вообще, хватит ли у меня мастерства и духовных сил, чтобы разом поднять столько тел? Я всего три года как жрица полного посвящения.

Вокруг моей обнаженной лодыжки сомкнулась ладонь. Мой испуганный визг был так пронзителен, что напугал птиц на ветвях. Громко хлопая крыльями, они взвились в небо.

Вот только я не следила за их полетом. Меня целиком занимали побагровевшие и гниющие пальцы, вцепившиеся мне в ногу. Мой взгляд метнулся вверх по руке к мертвому солдату, распростертому на земле. Его единственный уцелевший глаз, затуманенный и тусклый, смотрел прямо сквозь меня. Второй был уничтожен рубящим ударом, раскроившим половину лица, обнажив окровавленную кость и мышцы. Из раны выбралась муха, ее жирное черное тельце на секунду замерло на границе растерзанной плоти, прежде чем с жужжанием взлететь в воздух.

Но еще хуже, чем разложение трупа, была испускаемая им темная аура, нанесящая по мне удар воспоминаниями о крови и криках. Ужас потек по моим жилам.

Цзянши.

Труп, одержимый злом.

Я потянулась за очищающими талисманами в карманах, но у меня слишком сильно тряслись руки, а потом труп дернул меня, повалив на землю. От его вони мой рот наполнился желчью. Его хватка усилилась, а по лодыжке растеклось онемение. Я вспомнила истории отца о том, как цзянши впитывают ци, жизненную силу живущих, чтобы

кормить свои злобные души. Все, что им нужно, — коснуться твоей кожи.

В ужасе я попыталась стряхнуть цзянши. Когда не вышло, ударила его концом персикового посоха. Несмотря на то что священное дерево обожгло его плоть, этого оказалось недостаточно, чтобы разорвать хватку чудовища. Единственным моим шансом был очищающий талисман.

Я зацепила пальцами край листка, когда камень размером с дыню обрушился на запястье монстра с такой силой, что размозжил кость. Давление на ногу ослабло. Я шлепком наклепила очищающий талисман на лоб цзянши и зазвонила в железные колокольчики, бормоча заклęcia, которые отец заставил меня запомнить во время обучения.

Цзянши тут же замер, от его тела поднялся полупрозрачный белый дымок. Он застыл в воздухе, как колеблющийся призрак, а потом растворился без следа.

Тяжело дыша, я повернулась к моему спасителю, которому хватило храбрости, чтобы сломать руку цзянши камнем:

— Спаси...

Слова благодарности застряли у меня в горле, когда я узнала солдата, за которым явилась. Мой воскрешающий талисман все еще был наклеплен у него на лбу. К моему растущему ужасу, солдат поднял край бумажки с глаз и улыбнулся. Слегка дрожащим голосом он произнес:

— Это было довольно страшно, вы так не думаете?

Я вскочила на ноги и сорвала талисман со лба солдата. Он немедленно рухнул на землю, оставив меня потрясенно стоять на поле в сгущающихся сумерках. Я едва подавила писк, чувствуя на губах железный привкус. *Что, во имя неба...*

Поднятые трупы были именно тем, чем были, — поднятыми. У них не было разума, эмоций, и определенно отсутствовал голос.

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

